

Министерством вступил кн. Д.И. Шаховской⁶⁰. 17 мая комиссары Е.П. Ковалевский и М.М. Ичас сложили свои полномочия и вскоре покинули столицу⁶¹. Сведения об их увольнении в фондах Мариинского ведомства пока не обнаружены.

Комиссары Временного правительства, в первую очередь Е.П. Ковалевский, дали серьезный толчок преобразованиям Мариинского ведомства. Как опытные думцы они хорошо представляли себе общее направление реформ, но продуманных, четких планов у них, как и у многих реформаторов, не было. Даже в таком тихом уголке, как ведомство учреждений императрицы Марии, их все больше захлестывала революционная стихия, но формальной причиной отставки комиссаров послужила смена правительства.

В.И. МУСАЕВ

Убийство депутатов Государственной думы А.И. Шингарева и Ф.Ф. Кокошкина – политическое или уголовное преступление?

Убийство двух видных деятелей конституционно-демократической партии, бывших депутатов Государственной думы и членов Временного правительства А.И. Шингарева и Ф.Ф. Кокошкина в Мариинской больнице в Петрограде в ночь с 6 на 7 января (с 19 на 20 н. ст.) 1918 г. было первым после событий ноября 1917 г. случаем гибели высокопоставленных общественных и государственных деятелей прежнего режима. Гражданская война тогда не началась, до объявления новыми властями «беспощадного красного террора» было еще далеко, продолжали выходить меньшевистские газеты, в связи с этим преступление получило широкую огласку и имело громкий общественный резонанс.

События развивались следующим образом. Андрей Иванович Шингарев, министр земледелия в первом составе Временного правительства (март – май 1917 г), министр финансов в первом коалиционном составе Временного правительства (май – июль 1917 г.), и Федор Федорович Кокошкин, занимавший с конца мая 1917 г. пост председателя «Особого совещания для изготовления проекта положения о выборах в Учредительное собрание», а с начала июля – государственного контролера, прибыли в Петроград утром 27 ноября

⁶⁰ Там же. Д. 3767. Л. 1.

⁶¹ Николаев А.Б. Ковалевский Евграф Петрович. С. 256.

1917 г., к открытию Учредительного собрания, которое предполагалось на следующий день. Вечером того же дня на квартире графини С.В. Паниной состоялось заседание членов кадетской партии. Заседание затянулось до позднего вечера, и его участники остались ночевать на квартире. Утром следующего дня все участники заседания были арестованы (на том основании, что они, как было записано в ордере на арест, «не хотели признавать власть народных комиссаров»). В ночь на 29 ноября арестованные были помещены в одиночные камеры Петропавловской крепости.

В условиях пребывания в холодных камерах, при плохом питании у Кокошкина и Шингарева обострились заболевания (Кокошкин страдал легочным туберкулезом и малокровием, Шингарев – хронической болезнью печени). Их родные стали хлопотать об их переводе в больницу. В последних числах декабря 1917 г. председатель Красного креста доктор И.И. Манухин обратился в Народный комиссариат юстиции с просьбой, подкрепленной свидетельствами о состоянии здоровья Кокошкина и Шингарева, о переводе их в Мариинскую тюремную больницу.

Между тем ситуация в Петрограде резко изменилась после покушения на В.И. Ленина 1 января 1918 года. В большевистских газетах появились статьи с требованиями «решительно и беспощадно» расправиться с «буржуазной контрреволюцией» и за каждую голову «народных вождей» «отрубить сто голов» буржуазии. Эти кровавые призывы к расправе над буржуазией получили живой отклик и распространение среди солдат Петропавловской крепости. Гарнизон крепости, вспоминал Манухин, «стал бушевать, требовать мщения, крови за попытку “буржуазии” посягнуть на жизнь их вождя»¹. 2 января 1918 г. ходатайство И.И. Манухина было рассмотрено СНК. 6 января Народный комиссариат юстиции выдал супруге Ф.Ф. Кокошкина и сестре А.И. Шингарева ордера на их перевод в Мариинскую больницу. Вечером того же дня они были доставлены в больницу под охраной красногвардейского наряда и помещены в палаты. Для их охраны был оставлен караул из двух красногвардейцев².

Около часа ночи к больнице явилась группа матросов в 10–12 человек. Матросы стали требовать у сторожа впустить их под предлогом, что они пришли на смену караула. Войдя в помещение больницы, они взяли у сторожа керосиновую лампу и направились на третий этаж, где находились палаты Кокошкина и Шингарева. Сначала они вошли в палату Шингарева, откуда послышались выстрелы. Затем матросы перешли в палату Кокошкина, где также раздались

¹ Последние новости. 1926. 19 января.

² ГАРФ. Ф. 336. Оп. 1. Д. 396. ЛЛ. 5–6.

выстрелы. После этого матросы покинули помещение больницы. Караульные красногвардейцы, по одним показаниям, все это время отсутствовали, по другим — находились тут же. Врач Мариинской больницы П.П. Миролюбова после ухода матросов обнаружила Кокошкина мертвым. Смертельно раненый Шингарев прожил еще около двух часов³.

Убийство Кокошкина и Шингарева было чрезвычайным событием. Советские лидеры хорошо понимали, что их политические противники получают в свои руки неплохой козырь — возможность обвинить большевиков в этом убийстве. «Правда» назвала убийство бывших думцев и министров «преступлением против революции»⁴. Что касается политических оппонентов большевистской партии, никто из них прямо не обвинял ее в организации убийства, однако, по их мнению, моральная ответственность за случившееся лежала на вождях большевиков. «Новая жизнь», в частности, писала, что для уяснения мотивов поведения убийц достаточно почитать «Правду», страницы которой пестрели экстремистскими призывами к расправе с «врагами революции»⁵. А московская газета «Власть народа» высказалась следующим образом: «Кто будет... отрицать, что оно (убийство — В.М.) явилось результатом того систематического разжигания страстей и натравливания запутавшихся в политике масс на своих политических противников, которые изо дня в день ведутся правящей ныне партией?»⁶.

8 января В.И. Ленин подписал от имени СНК предписание немедленно провести расследование и арестовать виновных⁷. Кроме того, СНК поручил Наркомату юстиции выяснить обоснованность арестов политических заключенных и освободить тех из них, кому в течение 48 часов невозможно будет предъявить конкретное обвинение⁸. Расследование, проведенное следственной комиссией при Революционном трибунале, установило причастность к убийству Кокошкина и Шингарева инструктора при штабе Красной гвардии С.И. Басова, который за три часа до убийства производил в больнице смену караула. Басов, арестованный 9 января, сознался, что приходил в больницу вместе с матросами, убившими министров. Он, однако, утверждал, что матросы угрозами заставили его вести их в больницу, что сам он в убийстве не участвовал, а только светил им лампой, а пос-

³ Там же. Л. 18.

⁴ Правда. 1918. 8 января.

⁵ Новая жизнь. 1918. 10 января.

⁶ Власть народа. 1918. 11 января.

⁷ Декреты Советской власти о Петрограде 1917–1918 гг. Л., 1986. С. 92–93.

⁸ Новая жизнь. 1918. 9 января.

ле убийства матросы еще требовали, чтобы он повел их в Петропавловскую крепость, чтобы расправиться с сидевшими там другими министрами и Марковым 2-м⁹.

В организации убийства был обвинен А. Куликов, командир отряда бомбометчиков, который, находясь в распоряжении комиссариата Первого Городского района, формировал конвой для сопровождения министров в больницу. Как утверждал Басов, при формировании конвоя Куликов советовал не возиться с заключенными, а «просто сбросить их в Неву». Он также был арестован. Басов и Куликов были помещены в казематы того же бастиона Петропавловской крепости, в котором ранее содержались убитые министры¹⁰. Кроме того, были задержаны П.В. Михайлов, временно возглавлявший комиссариат Первого Городского района, и красногвардейцы Д. Рудаков, Г. Блюмфельд, П. Розин и А. Артемьев (двое первых в момент прихода матросов стояли на карауле в Мариинской больнице). Всех упомянутых лиц было решено привлечь к суду Революционного трибунала: Басова – по обвинению в соучастии в убийстве, Куликова – в подстрекательстве к убийству, его организации, недонесении об убийстве и бездействии власти, Рудакова и Блюмфельда – в недонесении о совершенном убийстве, бездействии власти и преступном и нерадивом исполнении обязанностей караульных, Михайлова – в укрывательстве убийцы, бездействии власти и нерадении по службе, Артемьева – в укрывательстве Басова и недонесении об убийстве.¹¹

Все эти привлеченные к ответственности лица, однако, имели лишь косвенное отношение к убийству. Непосредственных же его исполнителей задержать так и не удалось. Не были даже установлены личности всех участников убийства. Удалось лишь выяснить, что в числе убийц были матрос Оскар Крейс, эстонец, бывший рабочий завода Парвайянена, знакомый Куликова (по утверждению последнего, Крейс входил в состав отряда матросов-анархистов Железнякова), и Я. Матвеев, матрос с корабля «Чайка» (у некоторых других матросов, согласно показаниям Басова, на бескозырках была надпись «Ярославец»)¹². Однако ни они, ни другие участники убийства не были задержаны. Народный комиссар по морским делам, член следственной комиссии П.Е. Дыбенко подписал объявление по флоту, в котором всем, кому было что-либо известно о местонахождении убийц, предписывалось сообщить об этом комиссии, а самим

⁹ ГАРФ. Ф. 336. Оп. 1. Д. 396. ЛЛ. 26–28.

¹⁰ РГИА. Ф. 1280. Оп. 1. Д. 1109. Л. 7.

¹¹ ГАРФ. Ф. 336. Оп. 1. Д. 396. Л. 66.

¹² Там же. ЛЛ. 48, 60, 63.

убийцам предлагалось добровольно сдаться¹³. Это объявление не возымело действия. Экипажи «Чайки» и «Ярославца» отказались выдать Крейса и Матвеева следственным органам. Корреспондент «Новой жизни» высказал в этой связи предположение, что власти просто боятся производить аресты на флоте, опасаясь возмущения балтийских матросов¹⁴.

Было ясно, что убийство не было спонтанной акцией, но едва ли было заранее продумано и тщательно спланировано. Р. Розин, один из членов конвоя, сопровождавшего арестантов в больницу, в своих показаниях утверждал, что разговоры о том, что Шингарева и Кокошкина надо убить, велись и до их перевода из Петропавловской крепости¹⁵. Это, однако, было тогда, когда уже стало известно, что принято решение об их переводе.

Мотивы убийства не вполне ясны. По словам Басова, матросы, убивая министров, кричали, что мстят за 1905 год¹⁶. Однако ни Шингарев, ни Кокошкин во время событий 1905 г. не занимали никаких правительственных постов и никакого отношения к репрессиям против участников матросских выступлений не имели. Ф.Ф. Кокошкин, более того, сам провел некоторое время в заключении вместе с другими депутатами I Думы как один из инициаторов составления и авторов «Выборгского воззвания». Вероятно, выбор «мстителей» пал именно на Шингарева и Кокошкина только потому, что убить их в больнице было легче, чем других функционеров прежнего режима, остававшихся под более надежной охраной в Петропавловской крепости. В печать просочились сведения о том, что Куликов будто бы признался в организации убийства и заявил, что организовал его из политических соображений, так как сомневался в успехе революции, пока не будут устранены политические противники советской власти, и предполагал организовать еще ряд убийств¹⁷.

Убийство Ф.Ф. Кокошкина и А.И. Шингарева, однако, едва ли уместно квалифицировать как политическое. Никакая политическая сила за убийцами не стояла, а с политической точки зрения убийство было лишено какого-либо смысла. Это было проявлением тех же звериных инстинктов, которые впервые вырвались наружу в матросской и солдатской среде во время резни офицеров в Гельсингфорсе и Кронштадте в марте 1917 г. В.П. Павлов, комендант тюрьмы «Кресты», в которой также содержались некоторые бывшие министры и

¹³ Новая жизнь. 1918. 9 января.

¹⁴ Там же. 12 января.

¹⁵ ГАРФ. Ф. 336. Оп. 1. Д. 396. Л. 37.

¹⁶ Там же. Л. 27.

¹⁷ Петроградский голос. 1918. 14 января.

думцы (Хвостов, Щегловитов, Белецкий, Коновалов, Пуришкевич и др.), писал в своих воспоминаниях, что когда в тюрьме стало известно об убийстве Кокошкина и Шингарева, солдаты Московского полка, несшие караул в «Крестах», начали проявлять повышенную агрессивность, угрожали расправиться с заключенными и с самим Павловым, если он станет их защищать. По мнению Павлова, «если бы не были предприняты своевременные меры Ревкомом, выразившиеся в смене москвичей латышами, они перепороли бы штыками их всех»¹⁸. Если бы эту расправу не удалось предотвратить, она бы никак не могла быть отнесена к категории политических убийств: это был бы типичный уголовный самосуд.

Смерть Ф.Ф. Кокошкина и А.И. Шингарева доставила немало головной боли советским лидерам. В то время В.И. Ленин и его окружение еще заботились о своем, говоря современным языком, политическом имидже, и отношение общественного мнения к ним было им безразлично. Компрометировать себя в глазах иностранных представителей в тот период, когда еще сохранялись дипломатические отношения с союзными и нейтральными державами, им также было нежелательно. С другой стороны, попытки довести следствие до конца и привлечь к ответственности лиц, совершивших преступление, могли вызвать сложности в отношениях с плохо управляемой «красой и гордостью революции» – балтийскими матросами. Поэтому дело постепенно «спускалось на тормозах».

15 марта 1918 г., в связи с выходом левых эсеров из Наркомата юстиции, предложенная бывшим наркомом юстиции левым эсером И.З. Штейнбергом редакция обвинительного заключения была отвергнута большевиками. После этого дело об убийстве Кокошкина и Шингарева развалилось. Соучастник убийства Басов был освобожден из-под стражи и получил назначение на один из фронтов. Одновременно из Петропавловской крепости был освобожден Куликов. В апреле были также освобождены караульные Рудаков и Блюмфельд. Суд, о котором было объявлено, не состоялся. В ближайшие месяцы были закрыты все «непролетарские» газеты, некоторые из которых пытались следить за ходом расследования убийства Кокошкина и Шингарева. Оппозиции «заткнули рот».

В заключении остается предположить, что если бы Ф.Ф. Кокошкин и А.И. Шингарев не погибли в январе 1918 г. они наряду со многими другими бывшими представителями политической элиты вполне могли попасть в круговорот красного террора, объявленного

¹⁸ Павлов В.П. Мои воспоминания о «Крестах» // Немеркнущие годы. Очерки и воспоминания о Красном Петрограде 1917–1919 гг. Л., 1957. С. 236–237.

большевистскими властями в конце лета 1918 г. Тогда уже власть действовала «решительно», без оглядки на собственный имидж, и смерть того или иного бывшего крупного государственного или общественного деятеля уже не воспринималась как из ряда вон выходящее событие.